

- ³⁵ Книги переписные монастырского оружия Тихвинского монастыря. 1700 г. — Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 132, Тихв. мон., оп. 2, № 843, л. 2 об.
- ³⁶ Русско-белорусские связи во второй половине XVII в. (1667—1686 гг.): Сборник документов. Минск, 1972, 19, 135.
- ³⁷ Апракос Мстислава Великого / Подг. Л. П. Жуковская, Л. А. Владимирова, Н. П. Панкратова. Под ред. Л. П. Жуковской. М., 1983, 161, 195, 202, 255.
- ³⁸ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I: Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. М.; Л., 1936, 155.
- ³⁹ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. II. СПб., 1846, 111.
- ⁴⁰ ЦГАДА, фонд 1201, Соловецкий монастырь, оп. 4, № 949, л. 4.
- ⁴¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. I. СПб., 1841, 325.
- ⁴² Памятники дипломатических сношений с империею Римскою. Т. I. СПб., 1851, 461.
- ⁴³ Ломоносов М. В. Сочинения. Т. I. СПб., 1757, 258. — Картотека Словаря русского языка XVIII в. (Ленинград).
- ⁴⁴ Масловский Д. Ф. Материалы к истории России. М., 1889, 17.
- ⁴⁵ См. также: *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. М., 1907, 91—93; *Чичагов В. К.* О некоторых вопросах истории русского языка в связи с историей слова «ружьё». — Учен. зап. МГУ, № 150, М., 1952, 283—299.
- ⁴⁶ Первые месяцы царствования Михаила Феодоровича. (Столбцы печатного приказа). М., 1915, 6, 89.
- ⁴⁷ Русско-монгольские отношения 1607—1636: Сборник документов. М., 1959, 107.
- ⁴⁸ *Чичагов В. К.* Указ. соч., 293.
- ⁴⁹ Краткий словарь шести славянских языков / Под ред. Ф. Миклошича. СПб.; Wien, 1885, 455.
- ⁵⁰ Хроника Малалы. Кон. XV—нач. XVI в. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Шифр: Погод. 1437.
- ⁵¹ ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. XVI в. Шифр: F.I.1. 490 лл.
- ⁵² Библия. Острог, 12 августа 1581 г.

И. Кноблах*

ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ И ТРАНСИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

В последнее десятилетие среди лингвистов наметился интерес к языку женщин. Приведем лишь один пример из работы М. Ягелло «Женские слова»: «Мужчины и женщины распределяют между собой сферы, по поводу которых осуществляется высказывание. Формулы заклинаний, употребляемые одними, являются запретными для других. Женщины не должны ни пользоваться заклинательными формулами мужчин, ни даже знать их под угрозой сделать эти формулы недейственными или даже пагубными, и наоборот»¹.

Ниже я хочу показать, что у индоевропейцев женщинам также был знаком риск нарушения лингвистических запретов. Из

* © I. Knobloch, 1988 г.

римской истории известно — об этом сообщает Авл-Геллий (11,6), — что женщины в Риме пользовались при клятвах формулой *ecastor*, в то время как мужчины употребляли клятву *mediusfidius*. Откуда такая разница? Это представляется очевидным: подлинным богом считался Юпитер, а Кастор (в женской клятвенной формуле) — это сын Юпитера, один из близнецов (Кастор и Поллукс). Отсюда причина указанного употребления — сфера высшего божества полностью закрыта для земных женщин.

Я думаю, что этот запрет действовал также и в повседневной жизни. Некогда, еще до разделения индоевропейских языков, женщинам требовалось слово, заменяющее *dies* 'день', которое слитком похоже на *divus, flāmen Diālis, Diēs piter*; в греческом это $\eta\mu\epsilon\rho\varsigma$, $\eta\mu\acute{\epsilon}\rho\alpha$, в албанском — *zëmër*, в армянском — *avr*.

Для реконструкции женского языка следует обратиться к отдельным греко-армянским изоглоссам (как заметил мой коллега Зольта из Вены) в связи с греко-албанскими изоглоссам (наблюдение покойного проф. В. Порцига из Майнца). Эти трехязычные изоглоссы как раз покрывают область занятий женщин и особенности их пола. Вот несколько примеров.

Эти три языка совпадают в особенностях названия некоторых частей человеческого тела: язык по-гречески $\gamma\lambda\omicron\upsilon\alpha$, по-албански *gjuhë*, что означает 'заостренная часть' — перифраз, известный тайным языкам. Точно так же рука обозначается в греческом $\chi\epsilon\iota\rho$, в армянском *dzerñ*, и в албанском *dorë* (к которым примыкает также тохар. *tsar* и хетт. *kessar*). В этом случае перифраз обозначает 'берущая часть, захват' (**g'her-sr-*). Если в одном из этих языков-свидетелей сохранилось другое наименование, можно предполагать, что речь идет о дублете, который принадлежал по своему происхождению к мужскому словарю: греч. $\mu\acute{\alpha}\rho\eta$ ж. 'рука', родственное лат. *manus* ж. 'рука'.

Хорошо видна разница между этими двумя типами выражений, если обратиться к «постыдным» частям человеческого тела. Начнем с бороды, которая, сама по себе не будучи «постыдной» частью человеческого тела, в то же время является одним из внешних признаков различения полов. Имеется сходство между армянским и албанским, выражающими это значение словами *mawrukħ-mjekrë* (следует упомянуть также др.-инд. *śmaśru* и хетт. *zamankur*). По моему мнению, здесь можно говорить о насмешливом названии, данном женщинам: в этих словах может быть выделено *s-mobile*, характерное для столь многих индоевропейских корней; оставшаяся часть (*-*mek-*) обнаруживает свое происхождение: звукоподражание **mek-mek-* = др.-инд. *takamakāyate*, имитирующее крик козы. Таким образом, это насмешливый намек на козлиную бороду.

Для *testiculis* все три языка предлагают перифраз 'то, что отстоит', (**or-g'hi-*, корень **er-* 'быть расслабленным, быть отделенным': греч. $\omicron\rho\chi\iota\varsigma$, алб. *herdhe*, армян. *orji-kh*. Мужской язык говорит об отличительном знаке (лат. *testes*).

Грудь носит в греческом название $\mu\acute{\alpha}\sigma\tau\omicron\varsigma$, $\mu\alpha\sigma\tau\acute{\omicron}\varsigma$ (это последняя форма с магическим намеком на прилагательное $\mu\epsilon\pi\tau\acute{\omicron}\varsigma$ 'наполнен-

ный'): это явно обозначение с женской точки зрения, с точки зрения кормящей матери (ср. алб. *mëndeshë* 'кормилица' и и.-е. корень **mend-* 'кормить'). В противоположность этому индоевропейский семантический дублет **ps-t-eno* (засвидетельствованный авест. *fstana* 'грудь', др.-инд. *stāna-* с тем же значением, греч. *πτήσιον*, *πτήσιος*, ср. и арм. *stin*) связан с внешней формой этой части тела, если правильно объяснение этих слов из корня **bhes-*, **pes-* 'вздуваться' с морфемой *-eno*, образующей отглагольные прилагательные; вот почему это слово принадлежит мужскому языку.

Что касается понятий, имеющих отношение к туалету, в частности к туалету маленьких детей, можно перечислить следующие слова: греч. *γλίμων* 'с гноящимися глазами' = алб. *nglomë*, *ngjomë*; греч. *χέζω* 'отправлять нужду' = алб. *dhjes*; гниды называются по-армянски *orjil*, по-албански *ergjiz*, две формы, восходящие к **ergh*, которое со своим звонким придыхательным представляет собой изоглоссу, ограниченную только этими двумя языками. Для воспитания детей, несомненно, полезно иметь в своем распоряжении следующие выражения: греч. *ῥοφέω* 'пить маленькими глотками', арм. *arbi* 'я пил' (можно сравнить с лат. *sorbeo* 'хлебать', а также и противоположное понятие: греч. *ἐρῦνομαι* 'рвать, тошнить' (лат. *erūgo*) = арм. *orcam* 'рыгать'. Сам маленький ребенок обозначается как *ολίγος* 'маленький' и 'тщедушный' = алб. *ligë* ('слабость') и 'бедный' (арм. *atk'at*).

Известно, что в английском обозначении благородного происхождения *lady* восходит к составному англосаксонскому *hlæf-dize* 'месячная тесто для хлеба'. Подобным образом можно проанализировать другие и.-е. слова, называющие женщин: в результате всегда обнаруживается намек на преимущественно женские занятия, как изготовление хлеба, приготовление пищи для всей семьи.

Мой знаменитый коллега из Льежского университета проф. Луи Деруа реконструировал и.-е. корень **ogⁿ⁻* 'кормить, кормиться' (Stud. Ling. 3, 1949, 18). Так, лат. *venter* 'желудок' — это 'едок' (**gⁿ⁻en-*); но можно прибавить, что **gⁿ⁻enā* (греч. *γυνή* 'женщина') это 'та, которая кормит'. Также лат. *mulier* связывается с *molo*, *-ere* 'молоть', это, таким образом, «мельящая», 'та, что ежедневно готовит зерна, толчет их в ступе'.

Однако *molo*, *-ere*, обычное латинское слово для названия этого занятия, приняло в языке мужчин непристойный смысл. Поэтому женщины — прежде всего греческие (а вслед за ними армянские и древнеиндийские) изменили форму этого слова путем табуэтического усечения: **me!*- становится **a!*- греч. *ἄλω*, арм. *atam* 'я мелю' (греч. *ἄλετρον* = арм. *alewr* 'мука'), санскр. *āmlh* 'тонкий, мелкий', т. е. 'раздавленный'. Здесь армянский сохранил вместе с *malem* также первоначальную форму, выражение индоевропейских мужчин. В связи с этим женским занятием можно рассматривать также собирание расщепленных зерен, которые скапливались вокруг ступы: греч. *ὀφέλλω* 'сметать в кучу', арм. *arelum* 'сметать, подметать', *yawelum* 'увеличивать'.

Этот фонетический прием табуистического усечения употреблялся также в связи с другими женскими занятиями: женщины ухаживали за культурными растениями в саду, в частности, за только что посаженными деревьями; следовало обратить внимание на почки: греч. *κόρυθος* (лит. *māzgas* 'почка, глазок'), а также *ῥυθος* (и *ῥυθη*), что означает 'побег'. Формальный анализ этого слова обнаруживает персонификацию очевидно женского происхождения: **mozgho-* < **mogh-sko*: **maghos* 'молодой (мужчина)'. Кроме фруктового сада, индоевропейские женщины должны были заниматься также работами на хозяйственном дворе. В словаре, относящемся к разведению мелкого домашнего скота, можно заметить также несколько слов, ограниченных рамками наших трех языков; приведу только греч. *ἄριφος* 'козел' (лат. *aries*) и арм. *oroj* 'ягненок'. Они отличаются от др.-инд. *urabhra-* 'баран' (вместе с арм. *garn* 'ягненок', греч. *Φαθήν* 'ягненок') утратой начального *u-*. Первоначальное значение было 'новорожденный' и иллирийская богиня *Vrotah*, богиня деторождения, подтверждает своим именем тесную связь со ст.-слав. *рождь* 'зарождение, рождение'. Латинский сохранил в виде *vervex* 'баран' слово, с неполной редупликацией **uer-u-*; образование этой формы такое же, как у существительных со значением единичности (-*ex* как в *senex* 'старый мужчина, принадлежащий к группе *senes*, старейшин, членов сената').

Зарезав поросенка, индоевропейский крестьянин предоставлял (быть может) заботу об удалении щетины палением (греч. *εἶω*) своей жене, которая и делала это в яме, называемой *εἶτρα*. Того же корня лат. *ūro-*, *-ere*, откуда албанский извлек слово, обозначающее лихорадку: *ethe*, а древнеисландский — название огня *ysja*. Если наши соображения убедительны, это действие паления должно осуществляться с предосторожностями и, чтобы предотвратить ущерб, выражаться нужно тоже осторожно. Нам уже известен фонетический путь развития: корень **eus-* должен быть усеченным остатком других глагольных корней, из которых известны два: **greus-* (сохранившийся в греч. *γρόβος* 'пламя, факел') и **preus-* в др.-инд. *plōsati* 'жечь, обжаривать'.

Индоевропейская женщина в качестве домашней хозяйки имела также дело с костями (лат. *os*, *ossis*, греч. *ὀστέον*, арм. *oskr*, алб. *asht*). Также в древнеиндийском существует усеченная форма *āsthi*, которая, согласно нашей теории, отражает «язык предосторожности». С костью можно совершать множество колдовских действий, заниматься черной и белой магией. Цыгане хранили человеческую кость, найденную под виселицей, в кошельке в качестве счастливого талисмана. Полная форма этого слова **kost-* сохранилась на этот раз в ст.-слав. *костъ* и в лат. *costa* 'ребро'.

Для женского языка М. Ягелло приводит пример из бенгальского (по Чаттерджи): «начальное *l-* часто произносится как *n-* женщинами, детьми и необразованными классами. Согласно объяснению автора, речь идет «скорее о различии между господствующим диалектом, связанным с образованием, дающим доступ к власти, и диалектом подчиненным, на котором говорят народные

массы. Женщины, естественно, оказываются в этой второй группе».

Это напоминает один факт, известный уже давно — буква *l* как начальная в нескольких латинских словах, называется «сабинским *l*». Известно из истории основания Рима, что первые поселенцы страдали из-за отсутствия женщин и следствием этого было похищение сабинянок. Слова, которые были подвержены этому фонетическому изменению, были из домашней сферы, обиходного словаря: *lacrima* (греч. *δάκρυον* 'слеза'), *lēvir* (греч. *δαίηρ*), *lingua* 'язык' (гот. *tuggo*); глагол *oleo* демонстрирует это явление внутри слова — он был более «народным», чем сущ. *odor* 'запах'.

Греческий язык отражает аналогичное явление — подчиненный диалект рабочего класса демонстрирует передачу индоевропейского *i*- через *ζ*, примеры: *ζέω* 'обрабатывать кожу' *ζῶμη* 'дрожжи', *ζεαί* 'полба', *ζυγόν* 'ярмо', *ζώνη* 'полоса', *ζημία* 'наказание', *ζήλος* 'ревность'. Культовые слова *ἄζομαι* 'почитать', *ἄγιος* 'святой' и *ἥπαρ* 'печень' (как часть жертвенного животного) и еще глагол, относящийся к войне и спорту, *ἵημι* 'бросать' с тем же начальным индоевропейским звуком, переданным через *h*.

Если говорить о языке женщин, то это явление, ограниченное собственно греческим языком и восходящее, таким образом, ко времени образования греческих племен. Более древнее в сравнении с греч. *ζέω* (алб. *ngjesh*) 'кипятить, варить', другое греч. слово *ἕψω*, которое имеет соответствие в арм. *ep'em* 'варить'. К лексике греко-армяно-албанской кухни также относятся греч. *δάμνος* 'сало', алб. *dhjame*; греч. *φακός* 'чечевица', алб. *bathe* 'feve de magais', греч. *ἄλφι* 'ячневая крупа', алб. *elr* 'ячмень', греч. *σχόρ(ο)δον* 'чеснок', алб. *hurdhë*. Пищей на заднем дворе служили желуди (греч. *βάλανος*, арм. *kalin*). То, что не варилось, было *ῥύζος* в греческом ('сырое, не вареное'), *hum* в армянском; тот, кто не ел, был *naut'i* 'натошак' в армянском, соответствующее слово в греческом *νήφω*. Обед по-гречески — *δάρπον*, а по-албански *darkë*.

Если умирал мужчина, вдова шла на могилу (греч. *τάφος* — арм. *damban*), чтобы на ней плакать (греч. *κλαίω*, алб. *klanj*). Возможно, ей являлось видение во сне (греч. *ὄνειρ*, арм. *anurj*, алб. *ëndërrë*). Но и изъявление радости породило греко-армянскую изоглоссу: *γέλως*-*tsatr* 'хохот'. Возможно, что ложь оценивалась по-разному в зависимости от того, кто совершал проступок — мужчина или женщина. Об этом еще свидетельствует соответствие греч. *ψεύδομαι* 'лгать' и арм. *sut* 'лжец'. Что касается нравственного поведения, существует еще греч. *ὄνειδος* 'порицание' и арм. *anısapem* 'оскорблять' (оба глагола демонстрируют гласную протезу, которая отсутствует в гот. *paiteis* 'богохульство' и в др.-инд. глаголе *nindati* 'упрекать'). Греч. *αἰσχρόνη* 'стыд, стыдливость', возможно, родственно алб. *dhunë* 'стыд', но соотношение следующих слов, обозначающих страх, бесспорны: греч. *δειδω* 'я боюсь', арм. *erkiut* и лат. *dirus* 'опасный, ужасный'. Последнее слово является сабинским по свидетельству Сервия (комментарий к Энеиде 3, 235): следовательно, слово принадлежало женскому языку.

Целая группа слов обозначает типичное занятие женщин — за-

нятие благородное: прядение и ткачество. Известна история состязания искусной греческой ткачихи по имени Арахна с богиней Афиной: торжествующая богиня превратила гордячку ἀράχνη (ср. лат. *arānea*) в паука. В армянском паук называется *sard*, а *sari-k* означает 'лента', как в греческом *κερία* 'ремень' — к глаголу *καίρω* 'связывать вместе'; греч. *καίρωσις* 'ткачиха'. Ткачество — труд утомительный и длительный: об этом свидетельствуют греч. *πῶος* 'страдание' и алб. *pinë* 'работа'; армянский сохраняет глагол с первичным значением: *hanim* 'ткать', тогда как греческий обобщил глагол ἄττομαι, который имеет более специальное значение 'сновать', сохраняемое в албанском (*ent, int*). Результатом прядения является ссученная нить (перс. *darzmān*); глагол со значением 'сучить' находится в арм. *dañnam* (< *darjam*) и в алб. *dreth* 'сучить, прядь'. Стирка во всем мире занятие женское, возможно, по причине табуизации мужской чистоты (это наблюдается сейчас у цыган).

Так, в греческом *πλύω* 'мыть, чистить' имеется тот же назальный расширитель, что и в арм. *luanam*.

В заключение я хотел бы обратить внимание на тот факт, что существуют следы тайного женского языка у индоевропейцев. Совсем недавно мой уважаемый коллега Х. Шмитт (в настоящее время в Гейдельберге) сделал доклад о языке современной французской молодежи, в котором упомянул о тайном языке школьников, называемом *verlan*, который образует слова в порядке, обратном словам обычного языка. Существует, действительно, несколько слов, связанных с кухней, которые обнаруживают корни, где согласные расположены в обратном порядке: для передачи значения 'готовить' славянские языки имеют *pekъ, peku* (ср. лат. *coquo* < **peqʰ-ō*), но литовский язык имеет *kepù*; корень глагола со значением 'месить (тесто, глину)' **dheigh-* — (гот. *daigs* 'тесто') изменен в славянских языках в **gheidh-* (*zъd-* 'стена', 'лепить из глины', 'глинобитная работа'). То, что для школьников, не только во Франции, — игра в слова, возможно, в давние времена — необходимость, продиктованная суеверием, страхом, желанием удачи. Сгибаемый предмет, можно сделать это неудачно, можно его сломать; и языковая предосторожность требует метатезы: **bheug(h)-* — др.-в.-нем. *biugo* 'изгиб', но в других германских диалектах существует форма **gheub(h)-*, так же, как и в славянских языках (рус. *гибать, гнуть*).

После изложенного выше мне остается подчеркнуть, что научные проблемы, затронутые здесь, не могут быть решены без сотрудничества с представителями этнологии, которая дает нам приемы сравнения в мировом масштабе, что я и хотел выразить, говоря об исследованиях трансиндоевропейских.

Примечания

¹ *Jagello M.* Les mots et les femmes. P., 1979.

Перевела с французского В. А. Меркулова